

РЕЦЕНЗИИ

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Влч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI + 1328 с.*

Все, кто знал о подготовке рецензируемой книги к выходу в свет, ждали с нетерпением этого большого события — и не были разочарованы. Это произведение «in the Grand Style» может быть отнесено не только к индоевропейской филологии и культурологии, но и к общей лингвистике и истории Евразии. Чтение этой книги захватывает благодаря неисчерпаемому богатству ее содержания: перед нами силам обширных знаний и смелых теорий. Именно поэтому рецензируемый труд, как и всякое по-настоящему новаторское духовное явление, неизбежно вызовет споры и контроверзы. Именно поэтому, с другой стороны, в свете изложенных в рецензируемой книге положений, возможно, придется внести коренные изменения как непосредственно в реконструированные системы, так и в общепризнанное направление эволюции, причем это касается не только лингвистических фактов, но и предьстории индоевропейских культур.

В настоящей рецензии, являющейся скорее кратким очерком, я ограничусь перечнем наиболее важных достижений этого многопланового исследования, которое открывается революционной трактовкой систем смычных и заканчивается неожиданной для всех локализацией колыбели индоевропейцев. С одной стороны, я буду обращать особое внимание на те содержательные линии, которые привели к новым трактовкам, а с другой стороны — на собственно лингвистические или филологические проблемы, которые по большей части не могут быть отделены — в этом, в частности, состоит большая заслуга авторов — от тех потрясений, которые, как показано в работе, испытали размещение и предьстория индоевропейских культур.

Как известно, авторы книги — не только востоковеды широкого профиля, на протяжении всей книги они проявляют себя также и как теоретики. Введение (с. LXXIII — XCVI) целиком посвящено формулировке теоретических установок, на которые опирается исследование, и в частности, реконструкция. Эти в высшей степени содержательные страницы невозможно пересказать. Отметим лишь, что авторы используют сравнительный метод, метод внутренней реконструкции, но также прибегают к помощи ареальной лингвистики и синхронной типологии. Разумеется, в большей или меньшей степени это делают все, но в рецензируемой книге типологический фактор является решающим: «На данном этапе развития лингвистической науки, когда одним из основных направлений является структурно-типологическая лингвистика (и лингвистика универсалий), многое в традиционных построениях индоевропеистики, основанных на сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции самого индоевропейского материала, можно, по-видимому, пересмотреть с целью согласования постулируемого индоевропейского праязыка с данными типологической лингвистики. Такой анализ традиционных индоевропейских реконструкций и приведение их в соответствие с типологически вероятными системами может вызвать существенный пересмотр этих реконструкций» (с. LXXXIV).

Установка, тем самым, определена недвусмысленно: гипотезы относительно реконструкции должны проверяться на типологическую достоверность. Если они не достоверны, их следует изменить. Речь идет не столько даже о «типологии», сколько о «лингвистике универсалий». Неслучайно поэтому столь частое упоминание имени Гринберга.

Другая опора — это порождающая грамматика, некоторые ее процедуры и многие ее принципы. Например, вместо того, чтобы аналитически представить в виде фонем-

* Перевод рецензии, опубликованной в BSLP, 1986, t. LXXXI, fasc. 2.

ных трансформаций следующий процесс:

$$/b^h/ \rightarrow /b/, /d^h/ \rightarrow /d/, /g^h/ \rightarrow /g/,$$

авторы предпочитают использовать «правило переписывания», оперирующее лишь дифференциальными признаками:

$$[+ \text{придыхае.}] \longrightarrow [- \text{придыхае.}] \left[\begin{array}{l} + \text{смычность} \\ + \text{звонкость} \end{array} \right]$$

Кроме того, в синтаксической части особенно заметна тенденция к разделению на уровни, типичному для генеративистов: «поверхностные» и «глубинные» структуры.

Первая часть (428 с.) посвящена «Структуре общиндоевропейского языка». Заметим сразу, что авторы различают три хронологических уровня: протоиндоевропейский, поздний и.-е. (накануне распада), «исторические» и.-е. диалекты.

Первый раздел (с. 5—263) первой части книги, состоящий из четырех глав, посвящен реконструкции «фонологической системы и морфологии общиндоевропейского языка». Остановимся прежде всего на первой главе, наиболее новаторской, наиболее важной для понимания дальнейшего. Здесь речь идет о «трех сериях и.-е. смычных (парадигматика и спштагматика). Критика, или «реинтерпретация», относится к «традиционной» системе и.-е. смычных. Я приведу здесь «классическую» таблицу, опуская лабиовелярные (вариант с тремя, а не с четырьмя сериями):

I	II	III
(b)	b ^h	p
d	d ^h	t
g	g ^h	k

Такую систему нельзя признать удовлетворительной из-за лакуны в позиции губного звонкого непрдыхательного: речь идет об отсутствии звонкого билабиального *b, что давно уже замечено (он отсутствует или крайне редко встречается). Авторы исходят из реинтерпретации, предложенной Педерсеном, который представлял систему «протоиндоевропейского» следующим образом:

I	II	III
—	p ^h	b
t	t ^h	d
k	k ^h	g

I и III серии обмениваются признаками звонкость/глухость, а серия II утрачивает звонкость.

Следующий этап: в соответствии с данными синхронной типологии (Гринберг, Кэмпбелл и т. д.) и исходя из положений Якобсона, который также заметил несоответствие между и.-е. консонантизмом и универсальными тенденциями человеческого языка, авторы предлагают реинтерпретировать смычные III серии как глухие придыхательные. Отсюда следует, очевидно, пересмотр согласных I серии. Из-за отсутствия билабиального члена их нельзя считать звонкими. Следовательно, это глухие непрдыхательные (глухие придыхательные представлены в серии III). Типология утверждает, что в подсистеме глухих смычных имеет место «иерархия маркированности», упорядочивающая члены системы от наиболее маркированных к наименее маркированным: глухой глоттализированный более маркирован, чем глухой придыхательный, этот последний более маркирован, чем глухой простой непрдыхательный. Смычный p^h, обладающий наибольшей маркированностью, имеет, следовательно, наименьшую частотность, чем остальные, и даже имеет тенденцию к исчезновению, в результате чего в системе образуется пустая клетка. Этот факт из области «универсалий» (Гринберг) наилучшим образом объясняет дефектность или отсутствие билабиального члена серии I. Тем более, что, исходя из традиционной схемы, нельзя не признать распределение частот и.-е. смычных несколько странным:

серия I — 6,2%, серия II — 8,9%, серия III — 17,7%.

Если принять во внимание иерархию маркированности, получается, что более маркированные звонкие придыхательные (серия II) более частотны, чем слабо маркированные звонкие непрдыхательные серии I, что с трудом объяснимо. Однако распределение частот оказывается естественным и соответствующим общим тенденциям языка, если наименее частотную I серию считать серией глоттализированных, более маркированных, чем звонкие. Исходя из этого, авторы постулируют следующую сис-

тему:

I	II	III
(p')	b ^h	p ^h
t'	d ^h	t ^h
k'	g ^h	k ^h

Принимая во внимание аллофоны, приходится усложнить картину в том, что касается единиц, но упростить в том, что касается дифференциальных признаков:

I	II	III
(p')	b ^h , b	p ^h , p
t'	d ^h , d	t ^h , t
k'	g ^h , g	k ^h , k

Это означает, что в и.-е. была серия, маркированная признаком «глоттализация», другая серия с признаком «звонкость», третья — с признаком «не-звонкость», две последние серии с придыхательными и непридыхательными аллофонами. Именно этой моделью авторы оперируют в дальнейшем изложении.

Отметим, что звуки, называемые здесь (как и в самой книге) «глоттализованными», в строгом, фонетическом смысле таковыми не являются (в отличие, например, от увулярного грузинского q', настоящего «глоттализованного»). Это согласные с гортанной смычкой — «постглоттализованные», или «эктивные».

Как отмечается в книге, идея интерпретации в качестве глоттализованной одной из серий и.-е. смычных была выдвинута уже в 1956 г. Мартине и сформулирована одновременно, но независимо от него авторами рецензируемой книги (1972), Хоппером (1973) и Одрюком (1975). Известная под названием «глоттальной теории», она до сих пор положительно оценивалась индоевропеистами. Эта теория дает возможность сформулировать далеко идущие следствия. Перечислим некоторые из них.

Первое следствие, наиболее очевидное и практически значимое, ведет к трудоемкому пересмотру существующего положения дел: приходится «переписывать» большое количество и.-е. лексем, и среди них самые распространенные. Таким образом, сторонники этой теории отныне будут пользоваться буквами *t', *k' и т. д. в тех случаях, где раньше писались *d-, *g- и т. д. Такие известные слова, как «небо», «давать», «дом» и т. д., будут записываться теперь как *t'îēu, *t'îō, *t'om, а не как *dîēu, *dō, *dom. Эти изменения вызовут озабоченность у специалиста по классической филологии, но, несомненно, обрадуют кавказоведа, который увидит в этом расширение сферы влияния гортанной смычки.

Другое следствие является более важным: придется переформулировать некоторые основные фонетические «законы», в частности, закон Бартоломе. Проиллюстрируем результаты таких ревизий (приводимые правила широко известны, но имеют нетрадиционную форму):

(1) Два смычных, имеющие одинаковые пучки дифференциальных признаков, несовместимы в пределах корня структуры C₁VC₂.

(2) Два глоттализованных смычных несовместимы в пределах корня структуры C₁VC₂.

(3) Глоттализованные смычные (серия I) совместимы с фонемами серии III в любых позициях.

(4) Неглоттализованные смычные, входя в состав единого корня, должны характеризоваться идентичным значением признака звонкость/глухость.

Закон Грассмана, например, послужил поводом для еще одной новой концепции. Речь идет уже не об утрате придыхательности, а о применении гораздо более фундаментального правила, в соответствии с которым:

(5) Если корень содержит два смычных серии II, дистантно расположенных, один из них представлен придыхательным вариантом, а другой — непридыхательным. Следовательно, такие формы, как скр. *bahú*, греч. πῆχυς, предполагают и.-е. *bāgh^h-ū*, соответственно с непридыхательным и придыхательным аллофонами и.-е. фонем *b^h и *g^h (а не *b^h и *āg^h[-ū]). Это «правило» независимо от своей объяснительной силы вызывает интерес главным образом потому, что дает единое объяснение диалектным фактам (объяснение, относящееся к общиндоевропейскому состоянию).

Наиболее радикальна, однако, ревизия фонологических систем различных исторических диалектов в их отношении к общиндоевропейскому: она состоит в том, что Мейерхофер называет «десанскритизацией» (Entsanskritisierung) и.-е. модели, или, в общих чертах, в опрокидывании традиционной персепективы. В самом деле, если допустить, что первая серия и.-е. смычных — это глухие непридыхательные («глоттализованные» или нет — в данном случае несущественно), приходится сделать естественный вывод о том, что наиболее консервативные, наиболее близкие к исходному состоянию

системы можно обнаружить в германских языках в армянском и в анатолийских языках. Напротив, наиболее поздние и удаленные от общиндоевропейского системы находим в индоиранских, греческом, италийских и др. языках.

Авторы подробно реконструируют фонологические и фонетические процессы, приведшие к возникновению систем исторических языков. Наиболее радикальные изменения произошли в санскрите: имела место «деглоттализация» и озвончение серии I, что привело к возникновению серии звонких непрдыхательных. Произошло расщепление серии II (звонкой): непрдыхательные аллофоны частично дали звонкие серии I, прдыхательные аллофоны дали звонкие прдыхательные серии II. Подобным же образом непрдыхательные и прдыхательные аллофоны серии III (глухие неглоттализованные) дали, с одной стороны, глухие серии III (глухие непрдыхательные), а с другой — глухие прдыхательные серии IV.

Процесс преобразования и.-е. смыхных в греческом можно представить следующим образом: 1) утрата прдыхания прдыхательными аллофонами III серии, например $t^h - t$; 2) оглушение обеих группы аллофонов II серии: $b - p$, $b^h - p^h$; 3) озвончение глоттализованных I серии: $k' - g$.

С другой стороны, в более консервативных языках, например, в армянском, исходная и.-е. система практически сохранена: серия I — глухие неглоттализованные или глоттализованные (восточноармянские диалекты, имеющие гортанную смычку, сохранили, таким образом, этот различительный признак, который не следует считать инновацией, вызванной субстратом; субстрат лишь способствовал сохранению первоначального положения); серия II — звонкие, прдыхательные или непрдыхательные; серия III — глухие прдыхательные (речь идет, разумеется, о древнеармянском).

В германском имеет место деглоттализация серии I и, в более поздний период, спрантизация прдыхательных аллофонов серий II и III. Все изложенное приводит к отказу, ввиду их «неадекватности» или «устарелости», от некоторых законов, надежно укоренившихся в наших традициях, в частности, от «закона Гримма» и от прочих законов, предполагающих «сдвиг согласных» в таких языках, как германские, армянский и т. п. Отныне, если выражение «сдвиг согласных» и применимо, то только к таким языкам, как индоиранские, греческий, латинский и т. п.

Применение «глоттальной теории» и ее следствия в отношении прочих частей системы приводят к другим более или менее существенным изменениям. Так, она играет важную роль и для выводов в области ареальной лингвистики, которой посвящен последний раздел второй части. С помощью этой теории можно «датировать» заимствования и одновременно уточнить механизмы, которые они приводят в действие. В некоторых случаях, однако, эта теория порождает новые трудности: например, несомненное заимствование общекавказского **uɣ-el* «ядро» в и.-е. труднее объяснить, исходя из и.-е. формы **iuk'-om*, чем из «традиционной» формы **iug-om*. То же самое можно сказать о большинстве кавкаских лексем и.-е. происхождения: вопреки ожиданиям, «глоттализация» все осложняет.

Упомяну также кратко три следующие главы, содержащие много важного и интересного, но не такие «ниспровергательные»: 2. «Локальные ряды индоевропейской системы смыхных и класс сбильянтных спирантов. Парадигматика и синтагматика»; 3. «Система гласных и теория морфонологических чередований. Сонанты и „ларингальные“ в индоевропейском»; 4. «Структура индоевропейского корня». Авторы поддерживают следующую точку зрения, изложенную Т. В. Гамкрелидзе в 1960 и 1968 гг. и Вяч. Вс. Ивановым в 1965 г., развивая и уточняя ее: и.-е. система содержала три простых ларингальных фонемы H_1 , H_2 и H_3 , которые определяли тембр и количество соответствующих гласных **e*, **a*, **o* и которые совпали в одной ларингальной фонеме **H* после фонологизации соответствующих гласных /**e*/, /**a*/, /**o*/.

Несколько неожиданно первая часть заканчивается типологическим соположением морфонологической структуры и.-е. и общекавказской (ю.-к.) систем; последняя была реконструирована Гамкрелидзе и Мачавариани в 1965 г. в их большой работе о сонантах и аблауте в южнокавказских языках. Эта работа уже тогда заканчивалась сравнением ю.-к. и и.-е. с кавказоведческой точки зрения. На этот раз сравнение, дополняющее предшествующее, проведено с точки зрения и.-е. Его результаты поразительны: «Преобразование индоевропейской и картвельской систем осуществлялось в направлении сближения их языковых структур, приведшего в результате к формированию столь далеко идущего изоморфизма морфонологических систем, который, очевидно, исключает возможность независимого развития в типологически сходном направлении и свидетельствует скорее о возможных исторических контактах» (с. 263). С этим трудно спорить: почти полная уверенность в правильности приведенных положений призвана сыграть первостепенную роль в «ареальном» исследовании и.-е. языков, в определении их географического происхождения и дальнейшей судьбы.

Второй раздел первой части книги под названием «Анализ грамматической структуры общиндоевропейского языка» посвящен в основном синтаксису: гл. 5 — «Пра-

индоевропейский как язык активной типологии»; гл. 6 — «Типология грамматической синтактики общиндоевропейского языка».

Наибольшей новизной в отношении и.-е. синтаксиса отличается гл. 5, которая опирается на новейшие гипотезы, выдвинутые в рамках лингвистической типологии. Во всяком случае, эта глава так же необычна, как и глава о смычных, и можно сказать наверняка, что две теории, изложенные в рецензируемой книге, будут иметь наибольший резонанс или, во всяком случае, вызовут споры и дискуссии — это «глоттальная теория» и «теория активности», о которой сейчас пойдет речь.

Указанная теория основана на некоторых хорошо известных фактах (однако авторы делают из них неожиданные следствия): существование в и.-е. противопоставления одушевленности и неодушевленности, двойная серия падежных показателей, различие между глаголами на **-mi* и на **-Ha* и т. п.; авторы указывают на «... явные черты бинаризма, пронизывающего всю индоевропейскую языковую систему, как грамматическую, так и лексико-семантическую» (с. 267).

Две формы род. п. ед. /мн. числа **-os* и **-om* совпадают с окончаниями **-os* и **-om* номинатива и аккузатива. С другой стороны, аккузатив на **-om* совпадает с окончанием **-om* существительных среднего рода в номинативе и аккузативе. Все имена среднего рода на **-om* принадлежат к классу неодушевленных. Все имена на **-s*, **-os* принадлежат к классу одушевленных (или классу существ, которые считаются таковыми). Этому классическому противопоставлению авторы предпочитают противопоставление «активное» vs. «инактивное»: «Суффикс **-s*, **-os* является деривационным маркером имен активного класса, суффикс **-om* — деривационным маркером имен инактивного класса» (с. 273).

Признание такого бинаризма у имен приводит к необходимости постулировать разделение глаголов на два класса — «активность» противопоставляется «инактивности». Высказав интересные соображения о формировании именных, местоименных и т. п. флексий, авторы исследуют эту «бинарную структуру глагольных категорий»: глагольные формы разделяются на два класса в зависимости от того, «какую семантику — активную или инактивную — они выражают» или: «Глаголы активного класса сочетаются исключительно с активными актантами, глаголы инактивного класса — с инактивными именами». Глаголы с суф. **-mi* выступают в связи с активными именами, глаголы с суф. **-Ha* — с инактивными. Отсюда две парадигмы:

	Актив			Инактив		
	Агенис	Предикат	Пациенс	Агенис	Предикат	Пациенс
1-е л.	Активный	Глагол на <i>-mi</i>	Активный	Активный	Глагол на <i>-Ha</i>	Неактивный
2-е л.	—	—	<i>-si</i>	—	—	<i>-thHa</i>
3-е л.	—	—	<i>-ti</i>	—	—	<i>-e</i>
Пример:	«Человек убивает зверя»			«Пример:» Человек кладет камень»		

Далее следуют интересные наблюдения над морфологией глагола — соотношением перфекта и медиума, природой и происхождением суффикса **-ni^h* и т. д., — выдержанные в духе бинаризма, определенного выше.

Наконец, в последней части рассматриваемой главы излагается «Активная типология праиндоевропейского языка» (с. 308—319). Поскольку эта чисто синтаксическая часть изложения до некоторой степени хаотична и содержит повторения (в отличие от начала книги), я буду излагать факты по-своему. Для простоты будут использованы неуместные здесь термины «субъект» и «объект» наряду с чисто семантическими понятиями агениса и пациенса (эти последние, как мы увидим, также неадекватны).

Актантные отношения могут организовываться по трем основным типам: аккузативному (или номинативному), эргативному, активному. Они различаются в зависимости от трактовки единственного актанта одноактантного высказывания сравнительно с трактовкой каждого из двух актантов двухактантного высказывания (имеется в виду, что различия форм выражаются в именах, в глаголах или и в тех и в других).

1. А к к у з а т и в н а я с т р у к т у р а: единственный актант одновалентного предиката имеет ту же форму, что и агенис (или «субъект») двухвалентного предиката, например:

одновалентный предикат	<i>puer uenit</i>
двухвалентный предикат	<i>puer puella-m uidit</i>

В данном случае особенным образом трактуется пациенс, поэтому название «аккузативный» здесь подходит больше, чем «номинативный».

II. Э р г а т и в н а я с т р у к т у р а: единственный актант одновалентного предиката имеет ту же форму, что и пациенс (или «объект») двухвалентного предиката. Пример из лаского, южнокавказского языка, относящегося к более чистому «эргативному» типу, чем грузинский (предложения имеют тот же смысл и тот же порядок

слов, что и вышеприведенные латинские):

одновалентный предикат	<i>bere komoztu</i>
двухвалентный предикат	<i>bere-k bozo kozi ru.</i>

Здесь специфическим образом трактуется агенс двухвалентного предиката — он получает показатель эргатива.

III. «А к т и в н а я» структура: имеется два типа показателей — один для актантов, осмысливаемых как активные, другой — для актантов, осмысливаемых как инактивные. Приведу пример из языка гуарани (по Боссопу: *Lingua*, 1980, 50, с. 373—377). Для структур этого типа требуется четыре высказывания вместо двух. В приводимых примерах маркируется глагол, но от этого ничего не меняется. Возьмем, например, актант 2-го л. ед. числа «ты»; он маркируется в глаголе префиксом «активной» серии *xe-* или инактивной серии *nde-* (3-е л., с которым оно здесь сочетается, не имеет показателя). Если предикат одновалентен, речь идет только о семантическом согласовании, без синтаксических следствий: «ты бежишь» vs. «ты голоден». Двухвалентный предикат предполагает следующую дифференциацию: предикат с активным префиксом = актант «ты» мыслится как активный в процессе с двумя участниками: «Ты видишь, трогаешь, бьешь ... (кого-то)»; глагол с инактивным префиксом = актант «ты» мыслится как инактивный в процессе с двумя участниками: «(некто) видит, трогает, бьет ТЕБЯ...»

	Активные префиксы	Инактивные префиксы
одновалентный	<i>re-ma'apo</i> «ты работаешь»	<i>nde-puru'a</i> «ты беременна»
двухвалентный	<i>re-juhu</i> «ты (его) трогает»	<i>nde-pele</i> «(он) тебя трогает»

Маркирование имени можно наблюдать на материале америндейских языков, описанных Спеком (*American Anthropologist*, 1907, v. 9, № 3, с. 470—483). В этих языках активный падеж на *-t* противопоставлен инактивному падежу на *-n/-o*.

Для актантной структуры такого типа становятся абсолютно несущественными противопоставления, важные при других обстоятельствах, такие, как субъект vs. объект, агенс vs. пациенс, переходный vs. непереходный. Действующий в данном случае механизм весьма прост: активные имена связаны с некоторым показателем (именным и/или глагольным), независимо от их функции. То, что мы в своих языках называем агенсом, является активным актантом двухвалентного высказывания, то, что мы называем пациенсом — инактивным актантом двухвалентного высказывания.

Возвращаясь теперь к изложению рецензируемой работы.

Актантная структура активного типа естественным образом соответствует фундаментальному «бипаризму» протоиндоевропейской системы. Эту структуру можно изобразить следующим образом (V = глагол, N = имя, A = актив, In = инактив):

	Общая схема		Протои.-е схема	
(1) одновалентные активные	N-A	V	N-*os	V
(2) двухвалентные	N-A	V N-In	N-*os	V N-*om
(3) одновалентные инактивные		N-In V	N-*om	V

Опуская V и N как общие коэффициенты, можно получить схемы:

	Общая схема	Протои.-е. схема
(1) одновалентные активные	A	*-os
(2) двухвалентные	A In	*-os *-om
(3) одновалентные инактивные	In	*-om

Таковы семантико-синтаксические основания протоиндоевропейского. Однако со времени общиндоевропейского система изменилась и в результате долгой эволюции превратилась в другую, аккузативного типа. В самом деле, реконструкция, исходящая из исторически засвидетельствованных языков, ясно обнаруживает аккузативный характер системы накануне распада языковой общности, хотя и с ясно выраженными следами древней структуры активного типа. Авторы не допускают существования в древнейший период эргативной структуры. Эволюция «глубинной структуры языка» (понятие, которое постоянно используется в этой части книги) шла не от эргативной системы к аккузативной, но от активной конструкции к конструкции либо эргативной, либо аккузативной (с. 314—315). Что же при этом происходило?

«Глубинный» именной бинаризм (т. е. противопоставление актива инактиву), характерный для протои.-е. и выражающийся «поверхностно» в системе «активного» типа, распространился на другие сферы языка, в частности, на глагол, в связи с чем произошло разделение глаголов на «активные» и «инактивные» (более позднее сравнительно с именами). Это разделение впоследствии трансформировалось, в результате

чего возникли «глубинная» субъектно-объектная и, соответственно, переходно-непереходная системы. «Поверхностная» активная конструкция, потеряв смысл своего существования, также видоизменилась: вместо того, чтобы выражать различие между активным и пассивным актантами, она стала маркировать противопоставление субъекта и объекта. Другими словами, выражение синтаксической функции вытеснило выражение семантического класса. При этом почти автоматически произошла нейтрализация семантического противопоставления актива/пассива для единственного актанта одновалентного предиката: оказалось достаточным различать актанта двухвалентного предиката, субъект (или агенс) и объект (или пациенс). Организация двухвалентной глагольной синтагмы не изменилась ни по своему принципу, ни по форме: один показатель маркировал субъект (или агенс), другой — объект (или пациенс). Что касается субъекта одновалентного предиката в плане выражения, нейтрализация противопоставления актива/пассива привела к тому, что один из двух показателей исчез, уступив место другому (поскольку в действительности маркирование этого актанта вообще потеряло смысл). Отсюда две возможности: 1) показатель актива исчезает, показатель пассива — обобщается. Это приводит к структуре эргативного типа: по форме субъект одновалентного предиката совпадает с объектом двухвалентного; особый показатель сохраняется только у агенса двухвалентного глагола; 2) показатель пассива исчезает, показатель актива обобщается. Все это приводит к структуре аккузативного типа: субъект одновалентного предиката совпадает по форме с субъектом двухвалентного.

Между этапом протоиндоевропейского и этапом общиндоевропейского имело место развитие по второму типу: «Происходит нейтрализация противопоставления именных образований на *-os и *-om//θ, которые могут уже выступать в качестве актанта — субъекта при одновалентных глагольных структурах как ряда *-mi, так и ряда *-Na» (с. 316). Бывшие активные формы используются для маркирования синтаксической функции субъекта, бывшие пассивные формы — для маркирования синтаксической функции объекта. Общиндоевропейская система выглядит так:

Падеж субъекта	Падеж объекта
*-[o]s	*-[o]m
*-om	*-om
*-θ	*-θ

Сюда же относится оппозиция *-θ — *-m, в которой показатель субъекта *-θ есть результат утраты *-s после звонкого и ларингала (с. 183—184). Чисто фонологическое развитие было, должно быть, усилено следующей тенденцией аккузативной системы — слабо и вовсе не маркировать функцию субъекта, маркировать или сильно маркировать функцию объекта.

И.е. система еще раз сравнивается с южнокавказской: их развитие оказывается взаимно дополняемым, поскольку южнокавказские языки пришли к структуре эргативного типа. Во всяком случае, по мнению авторов, два синтаксических типа — аккузативный и эргативный — не имеет смысла противопоставлять, ибо они фактически восходят к одному и тому же типу и являются «поверхностными» реализациями одной и той же «глубинной» структуры.

Наконец, авторы резко критикуют попытки некоторых лингвистов (Улебек, Вайан, Гендриксон, Мартин и т. д.) обнаружить следы эргативной структуры в и.е.: эта гипотеза, по их мнению, неприемлема (с. 319). Такая строгость представляется чрезмерной, поскольку перечисленные ученые способствовали постановке проблемы и уже определили некоторые элементы ее решения.

Вообще говоря, и ход мысли, и реконструкции авторов вызовут, несомненно, оживленные споры. Теоретические постулаты, связанные с разделением на уровни (последние типичны для генеративистов: ср. «глубинный», «поверхностный»), могут вызвать раздражение у некоторых читателей. Однако здесь дело лишь в способе изложения и формулирования проблем. Фактически заслуга авторов состоит в показе того, что материал может либо рассматриваться в более широких рамках общей типологии, либо ограничиваться проблематикой и.е. языка. Два примера:

1) **Общая типология.** Из приводимых авторами аргументов можно сделать следующий вывод (хотя в таком виде он нигде не сформулирован): неважно, маркирован или нет единственный актанта одновалентного предиката. Поскольку он является единственным и в принципе обязательно, его функцию можно не указывать (т.е. можно указывать, а можно и нет). Эта тенденция широко представлена в языках мира: для единственного актанта наиболее характерно отсутствие показателя или слабое маркирование как в аккузативных, так и в эргативных языках. Только так называемая «активная» структура с необходимостью требует маркирования единственного актанта, но по семантическому, а не функциональному признаку.

2) **Индоевропейистика.** Если до некоторой степени допускать возмож-

ность существования в индоевропейском древнего эргатива, как это делали многие авторы в течение последних пятидесяти лет (Vaillant, BSL, 1936 и т. д.), исходя из реконструкции именной флексии, приходится наряду с этим постулировать существование одной из двух структур — эргативной, если противопоставлять двухвалентный предикат и одновалентный предикат с **инактивными** актантами, и аккумулятивной, если противопоставлять двухвалентный предикат и одновалентный предикат с **активными** актантами. «Эргативная» гипотеза в индоевропейском не является самодостаточной. Факты таковы, что требование более простой формулировки этой гипотезы приводит к ее замене гипотезой активной системы. Нельзя не признать очевидное: если тождество реконструированных флексивных форм совпадает с тождеством синтаксических функций, то, следовательно, синтаксис индоевропейского языка был того же типа, что и синтаксис гуарани.

Другие синтаксические проблемы исследуются в гл. 6 «Типология грамматической синтагматики общиндоевропейского языка» (с. 320—368), в которой известные факты по-новому формулируются и интерпретируются, иногда неожиданным образом. И здесь реконструкция также сопровождается типологическими аргументами. В результате авторы реконструируют модель SVO, соответствующую, по их мнению, тому, что можно было бы ожидать от языка активного типа. Среди прочего мы узнаем, что структура *индоевропейского простого предложения* очень близка к той, которую обнаруживают североавстралийские языки. Кроме того, по-новому осмыслены пассивный и средний залоги, первый — на основе постулатов порождающей грамматики, второй — с привлечением системы различных «версий» грузинского (и вообще южнокавказских языков). Все это хорошо обосновано и вызывает большой интерес, хотя некоторые положения почти шокируют. Во всяком случае, и в связи с упомянутыми темами можно ожидать оживленных дискуссий.

Последний раздел первой части также способен привести к острой борьбе мнений... Речь идет о третьем разделе «Ареальные структуры общиндоевропейского языка», содержащем единственную главу — 7. «Членение индоевропейской языковой общности» (с. 369—428). Исходя из тщательно проработанных грамматических, фонологических и лексических изоглосс, авторы предлагают классификацию и.-е. диалектов и указывают на последовательность этапов их расчленения (7 фаз): 1) Общиндоевропейский; 2) Внутреннее разделение на группы А и В; 3) Отделение анатолийского от А; 4) Выделение группы В и остатка группы А (тохаро-кельто-италийский); 5) Отделение тохарского от группы А; разделение группы В на индо-ирано-греческо-армянский и балто-славяно-германский и т. д. Таким образом заканчивается первая часть, насыщенная и местами перенасыщенная информацией, но захватывающая, написанная с большим умом, во многих местах являющая читателю яркую новизну, а иногда даже и революционность. Это собственно лингвистическая часть книги, и поэтому здесь ей было уделено преимущественное внимание, хотя и пришлось ограничиться беглым обзором с несколькими останками. Вторая часть рецензируемой книги будет рассмотрена очень кратко, разумеется, не потому, что она менее интересна (читать ее намного легче), но потому, что она посвящена проблемам культуры, как следует из ее названия: «Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры». Способы исследования здесь крайне разнообразны, при этом предпочтение отдается сравнительной лингвистике (генетической и ареальной) и археологии, с частым обращением к истории реалий и общей «культурологии». Обнаруживаемое при этом богатство эрудиции поистине не имеет себе равных.

Первый раздел второй части — «Семантический словарь общиндоевропейского языка» (с. 457—855) — имеет целью реконструировать концептуальный и практический универсум индоевропейцев, исходя из лексем, понятий и реалий, общих для них в период, предшествующий разделению, во всех областях человеческого опыта. Рассматриваются понятия, относящиеся к миру живого (боги, люди, животные, растения); к природной среде, к климату; к производительной деятельности и орудиям труда; к социальному и экономическому устройству, к системе родства; к концепции мироздания, к религии и ее обрядам; во всех видах нормализации — в текстах и поэтической речи, в системах счисления и метрике. Приведенный сухой перечень не способен, разумеется, отразить того удовольствия, которое получаешь от 400 страниц текста, читающегося как роман, несмотря на серьезность аргументации (пусть даже не всегда убедительной) и на необязательность иллюстративного материала.

Вторая часть (с. 856—957), несомненно, станет объектом жарких дискуссий, причем следует ожидать резких возражений, относящихся и к фактам, и к теоретическим принципам их рассмотрения. Дело в том, что речь идет о том, чтобы локализовать с высокой степенью точности колыбель индоевропейцев, их «прародину» (Urheimat), и проследить пути, приведшие их к местам исторического обитания после завершения расселения. Это является третьей революционной «теорией» авторов, или, как ее уже называют некоторые ученые, «восточной гипотезой».

На протяжении V тысячелетия и в начале IV до н. э. индоевропейцы занимали пространство к востоку от Анатолии, к югу от Малого Кавказа и к северу от Месопотамии. К северу это пространство доходило до верховьев Аракса, к югу — до Месопотамии и Ассирии. К востоку это пространство простиралось до долин Тигра и Евфрата, к западу — до верховьев Евфрата, включая притоки Евфрата и Тигра. В конечном счете получается, что прародина индоевропейцев, захватывая окрестности озер Ван и Урмия, приблизительно совпадала с территорией Кардуса и юга древней Армении.

Именно из этих мест, начиная с IV тысячелетия, выходят этнические и диалектные группы, которые в будущем заселят Евразию. Некоторые из них были уже практически как бы у места назначения, например, анатолийцы, армяне, греки (во всяком случае, азиатские), часть арийцев. Другим, наоборот, пришлось преодолеть огромные пространства, пробираясь обходными путями, так что реконструкция их маршрута представляет собой длинную извилистую линию.

Таким образом, большая часть миграций принимает направление, противоположное общепризнанному. Так, «староевропейская» группа, от которой впоследствии отделились кельты, италийцы и т. д., обогнула Каспийское море с востока и добралась на севере до Аральского моря. Но прежде чем повернуть на запад, эта группа задержалась на «второй прародине» (как ее называют авторы) — на юге Балкан и России, между Дунаем и Уралом, где она пребывала долгое время. Допущение этой тысячелетней остановки означает возврат к классически признанному пути миграции к западу через центральную и южную Европу (к тому же и само понятие «староевропейский», заимствованное, по-видимому, у Краппа, в некотором смысле означает возврат к традиции).

Все эти гипотезы тщательно выстроены и подкреплены доказательствами, на которых следует остановиться подробнее. Они разнообразны по своей природе и апеллируют к многочисленным областям знания, начиная от наиболее традиционных (классическая филология), и кончая наиболее современными (такими, как историческая климатология или эпидемиология), причем первые из этих дисциплин подкрепляются данными вторых и наоборот. Вот один из множества примеров: маршрут группы народов, разговаривавших на «староевропейских» диалектах, устанавливается, с одной стороны, с помощью археологии (с привлечением огромного количества свидетельств), гидронимии и сравнительной лексикологии, но, с другой стороны, также и с помощью данных по истории чумы (особенно на основе исследования Леруа Лядюри), которые сопоставляются с распространенностью названия грызуна — переносчика чумы. Вывод: этнос, из которого позже выделились латиняне, балты, славяне и т. д., ко времени проникновения в Европу уже обладал иммунитетом против чумы, что предполагает предшествующее длительное пребывание в Центральной Азии (в областях, прилегающих к Аральскому морю).

Большая часть доказательств опирается на археологические и доисторические свидетельства. Поэтому можно приготовиться к резким и, возможно, даже нескончаемым спорам: обращение с реалиями производит одновременно впечатление чрезмерной непринужденности и определенной затрудненности; можно ожидать «буковой войны», «березовой войны» и других схваток. Во всяком случае, лингвисты должны хорошо взвесить свои доводы в споре, ибо наиболее веские доказательства затрагивают «реальные» отношения между многими языковыми семьями и в конечном счете опираются на филологию. Даже если «восточная» гипотеза не будет принята, придется находить решения для многих важных проблем. Например, один из главных аргументов локализации прародины между Араксом и северной Месопотамией состоит в констатации двух фактов. Лексические заимствования, с одной стороны, между индоевропейским и семитским и, с другой — между южнокавказским и индоевропейским имели место — это подтверждается сравнением форм — до дифференциации каждой из этих языковых семей; следовательно, их нужно отнести к периоду общиндоевропейского, общесемитского, общекавказского. Это предполагает продолжительные связи между упомянутыми группами в древнейшую эпоху, вплоть до III тысячелетия до н. э. Такие факты получают наилучшее объяснение, если допустить, что эти народы в период, близкий к IV тысячелетию, занимали соседние или даже частично соприкасающиеся территории. Все изложенное требует подробного обсуждения, но любые решения следует принимать с учетом явлений, открытых авторами книги, и тех новых требований, которые с ними связаны.

Однако главный вывод, к которому приходишь по прочтении этого итогового труда, состоит в том, что отныне компаративисты, лингвисты и историки должны будут отвечать на огромное количество вопросов, основанных на новых или обновленных концепциях или формулировках. И давая какие бы то ни было ответы, придется осмысливать массу фактов, на которые опираются доказательства, по большей части весьма убедительные. Добавлю, что и неискушенный читатель, не вовлеченный в споры специалистов, многое почерпнет из рецензируемой книги, ибо она представ-

ляет собой энциклопедию и.е. языков и культур. Книга эта не имеет себе равных и охватывает в мельчайших деталях всю совокупность проблем, опираясь на исчерпывающие и надежнейшие источники, список которых насчитывает две тысячи названий. Можно уверенно утверждать, что данный труд, несмотря на свои монументальные размеры, легок для прочтения благодаря большому количеству четких подразделений, воплощающих замысел книги, и особенно благодаря указателю на двухстах страницах (имеется даже четырехстранный «индекс к „указателям“»): с помощью всего этого можно сразу же найти то, что нужно, даже если это мелочь.

Итак, мы вправе теперь считать, что читатель хорошо подготовлен к путешествию, в которое зовут его авторы книги, ибо входить в этот мир нужно так, как когда-то проникали в огромные итоговые произведения прошлого века, например, в «Феноменологию духа»: путешественник был увлечен движением и восхищен непреодолимым натиском идей. Таково свойство великих произведений прошлого. Подобно им, эта великолепная книга, несмотря на ее современность, не только дарит нам соблазны, но и подвергает испытаниям.

Шарашидзе Ж.

Перевела с французского Гюльга О. А.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. ХСVI — 1328 с.*

Фундаментальные лингвистические работы, являющиеся трудом многих лет жизни, всегда вызывают восхищение. Тем более, что со времен монументального «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» К. Бругмана и Б. Дельбрюка (Strassburg 1893—1900) обобщающих трудов по индоевропейстике не вышло. За эту сложную задачу не взялся даже А. Мейе, хотя его «Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes» намного содержательнее, чем позволяет предположить непритязательное название этой книги.

Начнем с композиции рецензируемой книги. Каждый том соответствует одной части. Первая часть, озаглавленная «Структура общиндоевропейского языка», состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен фонологической системе и морфологии общиндоевропейского языка и включает в себя четыре главы: 1) «Три серии индоевропейских смычных. Парадигматика и синтагматика» (с. 5—80); 2) «Локальные ряды индоевропейской системы смычных и сибиллянтных спирантов. Парадигматика и синтагматика» (с. 81—151), 3) «Система гласных и теория морфологических чередований. Сонанты и „ларингальные“ в индоевропейском» (с. 152—214); 4) «Структура индоевропейского корня» (с. 215—263). Второй раздел — «Анализ грамматической структуры общиндо-

европейского языка» — содержит две главы: 5) «Праиндоевропейский как язык активной типологии» (с. 267—319) и 6) «Типология грамматической синтагматики общиндоевропейского языка» (с. 320—368). Наконец, третий раздел — «Ареальные структуры общиндоевропейского языка» — состоит из единственной главы — «Членение индоевропейской языковой области» (с. 371—428). Вторая часть — «Семантический словарь общиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры» — содержит два раздела, первый из которых — «Семантический словарь общиндоевропейского языка» — объединяет главы, посвященные названиям мира «живого» — богов, человека и животных (домашних и диких), названий растений и их ритуально-культурного использования, а также группам слов, относящихся к географической среде (климату, рельефу, метеорологическим явлениям, небесным телам), хозяйственной деятельности (земледелию, скотоводству, ремеслам, транспорту), материальному быту, структуре духовных понятий, мифологической картине мира, медицине, погребальным обрядам, счету и хронологии, поэтическим и ритуальным текстам. Второй раздел второй части — «Хронология общиндоевропейского языка. Проблема индоевропейской „прародинь“ и пути миграции индоевропейских племен в исторические области расселения» — состоит из двух глав, из которых первая посвящена ареальным и хронологическим характеристикам общиндоевропейского (исследова-

* Перевод рецензии, опубликованной в «Bulletin de liaison du Centre d'études Balkaniques, 1987, № 6» [Paris].